

май 1986

ЭССР г. Вильянди 1984

драматург
"Угала"

МНЕ ДАЖЕ показалось, что я вижу, как он улыбается, слышу иронию в его голосе.

— Встретиться? Пожалуй-ста. Я, в общем, свободен: в спектаклях не играю, не ставлю — репетиций нет.

Хоть я уже и знал, что Яак Аллик — театральный критик, все-таки, согласитесь, несколько странно слышать подобное признание от руководителя театра.

Наверное, людей, помимо прочего, можно разделить еще и на две такие категории: те, кто любит строить, и те, кто предпочитает в уже построенном и отлаженном жить. Яак Аллик по натуре — строитель. Качество, для руководителя театра столь же необходимое, сколько сегодня, увы, и редкое. Аллику приятнее идти по траве, по целине, чем по асфальтированной дорожке.

В 27 лет он уже преподавал на кафедре философии Тартуского университета. Дорога была ясной и определенной: научная карьера, диссертация...

Он меняет жизнь. Становится начальником управления театров Министерства культуры Эстонии. Но кабинетная жизнь не для него. Казалось, четыре стены кабинета отгораживают от чего-то очень важного.

И тут в Эстонии начали создавать практически новую объединенную редакцию журналов «Театр. Музыка. Кино» и «Культура и жизнь». Начинать надо было с нуля. Аллик ухватился за эту работу — что может быть приятней строительству нового дела? Но вот журнал создан. Жизнь становится размеренной, а значит, скучной.

И когда он узнал, что из Вильяндского театра ушел замечательный режиссер Яап Тооминг и театр остался без руководства, сам предложил себя в художественные руководители. Ситуация была невероятной и уникальной: художественный руководитель театра — критик. Такого не было никогда, и уже поэтому этим стоило заняться.

Впрочем, точности ради скажем, что в Вильяндском театре Аллик все-таки одну пьесу поставил. Ее принес в театр молодой драматург Хане Луйк. Пьеса никому не поправилась, худсовет ее отклонил, режиссера не было. Разве мог Аллик упустить возможность навесить на себя лишние хлопоты и попробовать себя в непривычном качестве? За год пьеса «Вернешься ли ты?» Луйка прошла 55 раз, и каждый — с аншлагом.

К сожалению, мы редко задумываемся над тем, все ли делает человек для того, чтобы выявить максимум собственных возможностей. Не стремление к открытиям, а желание жить без падений и взлетов, жить по инерции — часто движет нами. И если мы говорим о необходимости выявлять резервы в производстве, то, может быть, не менее, а то и более важно использовать резервы, талящиеся в каждом человеке.

Когда Энна Коссе — актера

театра «Угала» — назначили его директором, он поступил на юридический факультет Тартуского университета. В 39 лет его окончил. При этом он остается актером, причем одним из ведущих в труппе. Тяжело? Конечно. Но не менее тяжело было бы довольствоваться малым, зная, что способен на большее.

Завлит и один из режиссеров театра Вилью Салдре, улыбаясь, смотрит на меня и говорит: «Я работал директором-распорядителем знаменитого театра «Ванемуйне». Работа, которая обесценивает спокойную жизнь лет на пятнадцать. Это меня и испугало. Стал главным редактором редакционно-репертуарной коллегии управления театров Министерства куль-

знаменитый монолог, мы замечаем, как он вдруг сам удивляется вырвавшейся из недр его души мысли: «Человек — это звучит гордо». Он забыл, что он человек, что рожден для многого, а довольствуется малым. И учитель Лука в этой работе — фигура скорее странная, чем значительная: ничто не может утешить человека, на которого давит груз несбывшегося.

Спектакль «Вратья Луутоп-зак» по Л. Фейхтвангеру в постановке Калью Комиссарова — не только спектакль-предостережение. Не только спектакль-протест против такой страшной и заразной для всех эпохи чумы фашизма. Не только яркое представление, в котором режиссерская фантазия воплощает-

Комиссарова 1986, 1988

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С ЛИЧНОСТИ

Его выбор многим показался неожиданным и смелым. Спектакли «Угала» доказывают — выбор был сделан верно

туры ЭССР. Название должности длинное, сама должность почетная, но, оказалось, чересчур чиновничья. А я уже к тому времени пробовал себя как режиссер, как актер».

Настороженно встретили Яака Аллика и Вилью Салдре в Вильянди. Начальники, занимающие высокие посты, все бросают и едут в маленький провинциальный городок. Зачем? Может, их сняли? Выгнали? Может, они залетные?

Оказалось, нет, не гости. Вместе с директором создают театр. Приглашают режиссеров, и не только из Эстонии. На недавних гастролях в Москве показали спектакль, поставленный главным режиссером Ташкентского театра В. Гвоздковым. Приглашают актеров. Здесь не только производственная необходимость роль играет, но и стремление помочь людям реализоваться. Ведь у каждого художника есть неосуществленная мечта, почему бы не помочь ей осуществиться?

И ВОТ ЧТО удивительно: руководит театром критик, на гастролях показали спектакли, поставленные пятью разными режиссерами, а тем не менее есть у театра свое лицо. Есть свои темы.

Конечно, лучшие работы театра «Угала» полифоничны. Конечно, постановщики и актеры хотят рассказать о многом. Но есть проблема, которая так или иначе ставится почти во всех работах: что нужно для того, чтобы человек раскрылся? Что помогает, а что мешает ему проявить себя?

Во многом именно эта тема стала главной в решении Яаном Тоомингом пьесы М. Горького «На дне». Удивительный получился спектакль — трагический, страшный. В подзаголовке, во мраке, на дне жизни — вспомним первоначальное название пьесы — живут люди, трагически не реализовавшиеся. Они придумывают себе жизнь, которая была и которая будет. Но жизнь нельзя придумать — жизнь можно только прожить. Когда Сатин произносит свой

в точной актерской игре. Может быть, главное: спектакль-размышление о том, как может реализовать себя человек, и что это, собственно, значит: состояться как личность.

Проблема «реализации нереализованного» — это не только тема спектаклей. Театр «Угала» хочет и нас, зрителей, заставить реализоваться зрительно, и по возможности полной. Театр не хочет завлечь — хочет увлечь.

Вилью Салдре поставил сказку «Кот, который гулял сам по себе», написанную Кулло Сювалепом по мотивам Киплинга. Мы стали в последнее время привыкать, что детский спектакль — эдакое развлечение, и не более того. Для Салдре было важно, чтобы маленький зритель его услышал, чтобы любовь к театру началась для него не просто с веселого представления, но с желания пойти в театр, чтобы увидеть несколько смешных, но таких живых героев сказки.

Спектакли театра «Угала» требуют активной зрительской работы. Нас, зрителей, пригласили не для того, чтобы слушать монологи, но для того, чтобы в диалоге участвовать. Посмотрите, вот идет Эни Уузтоа — дикий капитан (пьесе Юхана Смуула под таким названием поставил в театре Я. Тооминг). Странный человек, этот капитан, не так ли? То свиреп, а то нежен. То хитер, а то вдруг становится беспомощно прост, как ребенок. Каков же он на самом деле? Что за люди — его многочисленная поющая команда? Думай, зритель. Сопереживая, размышляй. Реализовывайся в театре — здесь мало быть простым наблюдателем.

Когда же театр начинает заниматься простой демонстрацией, не пытаясь вовлечь зал в постижение героев, получаются спектакли куда более слабые. Так произошло, на мой взгляд, с пьесой М. Тикса «Старый Тоомас» в постановке Н. Райд. Все вроде есть здесь: и тема актуальная, и столь модные нынче

«домашние бои», и любовь, и попытка страсти показать. Увы, не хватает главного: настоящей, живой жизни, в которой могли бы раскрыться персонажи спектакля и постигая которую, мы, зрители, могли бы постигнуть себя.

ИТАК, в чем же он — вильяндский эксперимент? Какая польза театру, если руководит им человек, не ставший и не играющий?

Вовсе не значит, что сейчас нужно броситься снимать с руководства театрами режиссеров и ставить на их место критиков. Не всякий потянет. Даже, честно скажем, мало у кого получится. Но пример Аллика говорит о том, что, когда у руководства театром

стоит человек, с одной стороны, анализирующий театральный процесс (ибо такая его профессия), а с другой — имеющий возможность на процесс этот практически влиять (ибо он «худрук»), в этом есть польза.

Когда театром руководит критик, да еще человек живой, ненавидящий застой и заданность, театр превращается в лабораторию. Общая тема театра выражается в спектаклях совершенно непохожих. Актеры, работая с разными режиссерами, получают великолепный творческий тренинг, имеют огромные возможности роста — может быть, поэтому в городском театре такая сильная труппа.

Что такой Аллик? Менеджер? Собиратель? Точнее, наверное, так: организатор театрального процесса в своем театре. Театр «Угала» после гастролей в Москве приобрел и ярых сторонников, и не менее ярых противников. Это говорит о том, что театр — живой, ницущий. А именно смелого поиска так не хватает в сегодняшнем театральном процессе.

Могу приводить примеры, почему Аллик пригласил на постановку того или иного режиссера, но дело не в конкретных фактах. Дело в том, что его пример доказывает нам важность организующего начала в современном театре. Причем очень важно, чтобы организатором был не человек со стороны, но тот, кто несет ответственность в равной мере и за удачу, и за промахи своего коллектива.

Все-таки сегодня, наверное, особенно важно помнить, как опасен застой, опасна жизнь по инерции — не только для общества, но и для каждого человека. Человек должен быть строителем. Своего дела, друзей, коллег, себя самого, наконец.

А. МАКСИМОВ.